

УДК 821.111.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б30

Предисловие *Анны Сидякиной*
Фотография работы *Бориса Эренбурга*
Иллюстрация художника *Елены Девятковой*
Оформление серии *Анастасии Ивановой*

Бахарев, Антон Павлович.
Б30 Нежный человек / Антон Бахарев. — Москва :
Эксмо, 2020. — 176 с.

ISBN 978-5-04-109144-6

На Северном Урале есть таёжная трёхвековая деревушка Бахари. «Бахарь» означает «сказочник» и «говорун». Поэт Антон Бахарев — из этого затерянного уголка. Но его истории — не лубочные сказки. Это путешествие по собственной судьбе, в котором люди, кванты и звёзды вдруг складываются в живой заповедный космос.

«Мне нужна какая-то деталь, от которой всё пойдёт», — размышляет поэт. Необычно звучащее слово. Или человек, который чем-то «зацепит». «Эта деталька — слово, событие, картинка — как маленький спусковой крючокек <...> Случается, что мне расскажут историю, и из неё получается стих».

Антон Бахарев

УДК 821.111.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-04-109144-6

© Бахарев А., 2020
© Сидякина А.А., предисловие, 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ОБ АНТОНЕ БАХАРЕВЕ

Об Антоне Бахарева есть соблазн сказать: потомок Пушкина по тютчевской линии. Но, во-первых, эти слова уже отданы другому поэту. Во-вторых, с момента их написания прошла лавина времён, полная всего-всего. В-третьих, это попросту нескромно. Хотя, при чём тут скромность? И всё же стихи Бахарева являют собой тот случай, когда поэтическая реальность отменяет иерархические табу и историко-культурные закономерности. В них вопреки постмодернизму и разного рода обстоятельствам действительно живёт традиция классической русской поэзии.

Впрочем в его поэтической ДНК много разных нитей: и Есенин, и Рубцов, и Пастернак, и Решетов, и лагерная баллада. Звучат даже отдель-

ные мотивы из Кальпиди: «Ходит смерть в запачканном халате, / Наводя везде привычный шмон» (А.Б.) «Смерть — приходящая уборщица в какой-то униформе темной» (В.К.), хотя явной близости нет.

...Его герой мужественен и гармоничен. Он не оплакивает ни мир вокруг себя, ни себя в мире — при том что рассечённым своим зрением способен видеть и в землю, и в небеса, и в историческую мглу. Его мир парадоксально закончен и завершён. Потому и живуч, что насквозь обитаем. Формальные очертания, поверхности этого мира образованы пушкинской просодией, классической строфикой и точными рифмами. И это не игра, не подражание и не пародия, всё всерьёз. Поэтическая миссия принимается согласно завещанному: глаголом жечь. Видеть и помнить. И до остервенения писать. С горькой иронией сознавая свою никчёмную беспомощность: «Меня б давно послали к чёрту, / Не будь для них я «сука, Пушкин!» Уже далеко не наше всё, но последняя точка, зависшая над словом. В опоре на неё поэт заново создает свет и тьму. Затем неизбежно стирает между ними границу.

...В стихах Антона Бахарева сложился свой устойчивый поэтический мир. У него есть географические очертания — это пермский север (Вишера, Губаха, Соликамск). Его ландшафты топорщатся тайгой и стылými реками, он населён лесными зверюгами и людьми, чей поселковый быт, чья укромная жизнь всё так же вписаны в перспективу исторической мглы, в пейзаж сиротства и заброшенности. Твердь земли забита

живой пузырящейся памятью, купол небес — условными знаками высоты. Восемь лет назад я бы сказала, что онтологические оппозиции в мире Антона Бахарева образуют прочное сферическое единство, в котором силлабо-тонический логос русской поэтической речи противостоит хаосу и распаду. И вот теперь, вдруг, сказав это, я поняла, что же в нём изменилось.

А вот что: лирический герой закончил строительство и заселение своего мира. Он — остановился. В кинематографе есть популярный приём — расширенный стоп-кадр, когда остановленное мгновение наделяет режиссёра неограниченной властью: он может повернуть движение вспять, он может разорвать причину и следствие, что угодно — макрообраз времени образует внутри себя параллельное пространство.

Антон Бахарев останавливает мгновение, чтобы вытянуть из небытия и втащить в неизбежность происходящего то, без чего наш мир трагически неполон: незримое прошлое и неочевидное будущее.

*Анна Сидякина,
из рецензий на публикации*

*

*

*

Лето: ничего личного —
Лето перенасыщено
Шумными листьями, тыщами
Истин различных.

Осень: ничего лишнего —
Единоличная истина,
Осень почти божественна —
Но беспомощна.

Мысли зимы болезненны,
Меланхолические истины
В теле очеловечены —
И беспочвенны.

А по весне бессмысленны
И обезличены истины,
Почва — очеловечена.
В мире ничего вечного.

ПРО ВЕЛИК

Помню, было мне семь лет,
Мама
Подарила велик мне,
«Каму»,
В масле весь и со звонком —
Что ты! —
Новый велик у меня, с катафотом!
И я стал среди больших —
Равным!
И мужские на локтях
Травмы —
Всем на зависть пацанам
Прочим...
Я на велике с утра и до ночи!
Говорил я: «нипеля»,
«Цепка»,
И трещала в колесе

Щепка,
Прямо в ванной мыл его,
Дома,
Мазал велик каждый день солидолом.

Что мне «Школьник» и «Урал»
(Рама!) —
Лучше в мире не найти
«Камы»!
На четвёртый свой этаж
Велик
На руках таскал я сам, еле-еле!

...Но однажды, среди дня
Прямо,
Кто-то взял — обворовал
«Каму».
Как хватило у него
Духу?
Все барашки открутил и сидуху.

Как я плакал-горевал,
Бедный...
С той поры прошло лет сто,
Верно.
Нету велика. Жена.
Скука.
До сих пор ведь не простил я ту суку.

*

*

*

Уходя по гонобобель
с небольшим, на час, лукошком —
заверни в клеёнку карту,
соль возьми, котёл и спички;
крепко-накрепко избу запри —
и каждое окошко
закрести, заговори —
как будто к чёрту на кулички
ты уходишь на полжизни;
кто расскажет, где придётся
шастать — ёрзая душою,
заражённой звёздным зудом,
по планете; с кем приспичит
коротать солёным пудом
нескончаемые зимы;
и когда идти — на вёслах,
на ходулях, под сурдинку,

по башкам, на вы, на помощь;
поперёк земной орбиты,
перепутав полдень, полночь;
по пещерам и сквозь грозы,
по пустыне и на льдине...

Уходя по гонобобель,
не забудь о карабине.

ГРОЗА

Воздух вспух — и ринулся вон;
лес, разноголовьем косматым
шевеля, рванину ворон
в пламенные угли заката
сбросил; и наполнился ветер
шумом и сверканием листьев,
вперемешку; и в пересвисте
проводов рассыпался веер
искр; и над неистовым лесом,
где клубилась грозная сила,
вдруг свилась и книзу, отвесно,
треснула слепящая жила;
И... Прошло! Прошло стороной!
Лишь ошеломлённые избы
прошептали: «Боже ты мой...» —
и глядят с немой укоризной.

*

*

*

...И там, где нет ноге моей
земли почувствовать опору
пустого места, и то в гору
уводят россыпи камней,
а то в дремучие долины
по склонам катятся ручьи,
швыряя камни; где лучи
на перекрестьях троп звериных
сквозь кроны воткнуты во тьму
глазниц белеющих скелетов;
где растопить не может лето
в ущельях снег и потому
уходит снова стороною,
ничто не требуя взамен;
и остаётся вновь зиме
кружить над строгою стороною
и кутать грозные хребты
в свои торжественные шубы,

рядить в парадные тулупы
кедровой свиты их ряды;
и где замешкавшихся птиц
зима безжалостно и честно
хватает на лету за сердце
и в тишине бросает вниз...

Там ни единого нет места
душе почувствовать земли
опору. Потому вдали
хребты чарующе отвесны
и упоительна тоска

долин безмолвных, и в печали
так сладко умереть в начале
простого птичьего броска.